

Природа и структура специальных знаний судебного эксперта-лингвиста

 В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем судебной лингвистической экспертизы – проблеме специальных знаний судебного эксперта-лингвиста. На основании изучения категории «специальные знания» в законодательстве и судебной экспертологии, а также, исходя из практики производства судебных лингвистических экспертиз, показано, что по своей природе специальные знания судебного эксперта-лингвиста неоднородны. Они не ограничены только лингвистическими знаниями, но имеют сложную структуру, включающую фоновые знания, знания из судебной экспертологии и знания из материального права и права процессуального. Представляется, что на современном этапе такая структура специальных знаний судебного эксперта-лингвиста наиболее полно способствует решению задач судебной лингвистической экспертизы и реализации принципов судебно-экспертной деятельности, регламентированных Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ.

Ключевые слова: *специальные знания, судебная лингвистическая экспертиза, судебная экспертология, фоновые знания*

Для цитирования: Кузнецов В.О. Природа и структура специальных знаний судебного эксперта-лингвиста // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 2. С. 18–28.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-18-28>

The Nature and Structure of a Forensic Linguist's Specialized Knowledge

 Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses one of the current problems of forensic linguistics - the problem of a forensic linguist's specialized knowledge. Basing on the study of the concept of "specialized knowledge" in legislation and the theory of forensic science and the practice of forensic linguistic analysis, the author demonstrates that a forensic linguist's specialized knowledge is inhomogeneous in its nature. It is not limited to linguistic knowledge only but has a complex structure, which includes background knowledge, awareness of forensic science theory, and understanding of substantive and procedural law. It seems that at the present stage, such a structure of specialized knowledge of a forensic linguist most fully contributes to solving the tasks of forensic linguistics and implementing the principles of forensic expert activity regulated by Federal Law No. 73-FZ of 31.05.2001.

Keywords: *specialized knowledge, forensic linguistics, forensic expertology, background knowledge*

For citation: Kuznetsov V.O. The Nature and Structure of a Forensic Linguist's Specialized Knowledge. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 18–28. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-18-28>

Введение

В последние годы наблюдается высокая потребность у судебно-следственных органов в применении специальных лингвистических знаний. Это проявляется в увеличении спроса на судебные лингвистические экспертизы в государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждениях (далее – СЭУ) России, а также у лиц, обладающих соответствующими специальными знаниями, главным образом у преподавателей филологии в вузах.

Очевидно, что лингвистические экспертизы должны проводить эксперты, имеющие базовое филологическое (лингвистическое) образование. Вместе с тем данное требование соблюдается, как правило, только в государственных СЭУ. Как показывает практика, в негосударственных учреждениях такие экспертизы проводят эксперты без специального образования. Вероятно, это объясняется популярной в юридическом сообществе точкой зрения, что носители русского языка понимают текст, и поэтому специальных знаний в данном случае не требуется. Так, общеизвестна позиция известного российского адвоката Г.М. Резника: «Большей частью назначение лингвистических экспертиз является абсолютной профанацией, поскольку никаких специальных научных познаний для того, чтобы интерпретировать текст, направляемый эксперту, не требуется. Вся экспертиза, как правило, сводится к следующему: так называемый эксперт сообщает суду о том, что он прочитал один или несколько общеупотребительных толковых словарей и обнаружил там, что такое-то слово имеет такое-то значение. Это абсолютная дискредитация научной экспертизы»¹. По мнению Генри Марковича, случаи назначения судебных лингвистических экспертиз единичны: «Бывают ситуации, правда редко, когда действительно требуется применение специальных познаний. Например, когда ставится вопрос об этимологии какого-то выражения, о содержании каких-то древних высказываний, пословиц – эти случаи, согласен, требуют обращения к специальным научным работам. Но чаще всего никаких специальных познаний для того, чтобы разобраться в тексте, не требуется»².

Учитывая специфику задач судебной лингвистической экспертизы и предоставляемых экспертам объектов, с позицией Г.М. Резника согласиться можно только частично. Для проведения экспертизы недостаточно одного или нескольких общеупотребительных толковых словарей, нужен комплекс лингвистических методов исследования, адекватно применить которые может лишь эксперт, получивший базовое профильное образование. Исходя из этого, обязательной составляющей специальных знаний судебного эксперта-лингвиста являются филологические (лингвистические) знания.

Ограничиваются ли специальные знания такого эксперта только знаниями в области филологии (лингвистики)? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего обратиться к содержанию понятия «специальные знания» в законодательстве и в судебной экспертологии.

Понятие «специальные знания»

Понятие «специальные знания» («специальные познания») используется в действующем законодательстве в определениях процессуальных фигур эксперта и специалиста. Например, эксперт, согласно ст. 57 УПК РФ, – это «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения»; специалист, согласно ст. 58 УПК РФ, – «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Вместе с тем в законодательстве отсутствует определение специальных знаний, которое позволило бы установить суть данного понятия, а также их объем. В законодательстве содержится только указание на области специальных знаний: наука, техника, искусство, ремесло; например, в ст. 2 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД): «Задачей

¹ Куденко А. Генри Резник: Экспертиза слова из трех букв позорит правосудие / РАПСИ. 23.08.2011.

http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20110823/254797029.html

² Там же.

государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла».

В научной литературе высказываются различные точки зрения о специфике и объеме специальных знаний эксперта, даются чрезмерно широкие или, напротив, узкие их определения, поднимаются вопросы о знании и познании, в каких областях они сосредоточены. Не останавливаясь на данных вопросах, рассмотрим определения специальных знаний в аспекте их специфики и объема.

В.Н. Махов применительно к отечественному уголовному праву предлагает следующее определение специальных познаний: «Это знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством»³. Таким образом, ученый определяет специальные знания как профессиональные, при этом отграничивает их от профессиональных знаний следователя и судьи, т. е. знаний юридических. Кроме того, он указывает на цель применения специальных знаний (использование при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде), а также на их процессуальный характер.

Подобные определения дают Е.П. Ищенко, Г.Г. Зуйков, В.И. Гончаренко, Е.И. Зуев: «Любые профессиональные знания, которые могут оказать содействие в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств» [1, с. 8]; «прежде всего основанные на теории и закрепленные практикой глубокие и разнообразные знания приемов и средств криминалистической техники, обеспечивающие обнаружение, фиксацию и исследование доказательств. К специальным знаниям в том же смысле относят познания в судебной медицине, судебной химии, физике,

пожарном деле, автоделе, а также любые иные познания (педагогические, лингвистические, математические и др.), использование которых необходимо для полного, всестороннего и объективного расследования преступлений» [2]; «знания в науке, технике или искусстве, применяемые для получения доказательственной информации специально подготовленными лицами» [3, с. 114]; «специальными являются профессиональные соответствующие современному уровню развития познания (исключая области процессуального и материального права) в науке, технике, искусстве или ремесле, использование которых в целях осуществления задач судопроизводства содействует выявлению доказательственной и ориентирующей информации, приобретающей значение при установлении истины по уголовным и гражданским делам» [4].

Ряд ученых определяет специальные знания через дополнительные категории – «умения», «навыки», «опыт» – тем самым акцентируя внимание не только на теоретическом, но и на практическом, прикладном аспекте специальных знаний эксперта. Так, Р.С. Белкин предлагает следующее определение: «Профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [5, с. 217]. И.И. Трапезникова под специальными знаниями понимает «систему научно обоснованных и практически апробированных знаний теоретического и прикладного характера (исключая специальные знания в области права, связанные с уголовно-правовой оценкой обстоятельств уголовного дела и с принятием решений процессуального характера) и специальных умений, используемых сведущими лицами в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом»⁴. И.Н. Сорокотягин и Д.А. Сорокотягина считают, что «специальные познания – это не только совокупность современных знаний, полученных в результате специальной подготовки, но и профессиональный опыт, навыки и умения» [6, с. 6].

В последнем определении специальные знания рассматриваются в том числе в аспекте источника их получения. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие ученые. В.Я. Колдин считает, что специальные

³ Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993. 389 с. (С. 40).

⁴ Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 22 с.

знания приобретаются «посредством специального (профессионального образования) и опыта» [7]. По мнению Т.В. Аверьяновой «специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе обучения и практической деятельности в науке, технике, искусстве, ремесле и основанные на знании научных разработок в соответствующих областях знаний, используемые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [8]. С.Ф. Бычкова под специальными знаниями понимает «не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства» [9, с. 97]. О.Г. Дьяконова полагает, что «специальные знания эксперта и специалиста – систематизированная совокупность научно обоснованных и проверенных практикой сведений, приобретаемых в процессе профессиональной подготовки в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, которая применяется специалистом или экспертом и используется в целях оказания помощи в разрешении вопросов, возникающих в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности, в рекомендованных или допустимых законом формах, имеющих доказательственное или ориентирующее значение» [10, с. 25–26].

В целом, аспект специальных знаний, связанных с источником их получения, находит отражение в законодательстве. Так, в соответствии со ст. 13 ФЗ о ГСЭД, в качестве профессиональных и квалификационных требований, предъявляемых к эксперту, выдвигается наличие высшего образования и дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности: должность эксперта в государственных СЭУ может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа.

Наиболее генерализованным, интегрирующим все аспекты специальных знаний, представляется определение, предложенное профессором Е.Р. Россинской, которая под этим термином понимает «систему теоретических знаний и практических навыков

в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного судопроизводства» [11, с. 18].

Если обобщить все приведенные выше определения, можно выделить следующие характеристики специальных знаний как правовой категории:

- система знаний, умений и навыков в различных областях (науке, технике, искусстве, ремесле);
- специальные знания применяются субъектом, имеющим процессуальный статус;
- цель применения специальных знаний – помощь в решении вопросов, возникающих в судопроизводстве;
- результат применения специальных знаний имеет доказательственное значение;
- специальные знания приобретаются в процессе специальной подготовки.

Для настоящего исследования особый интерес представляет последняя характеристика: специальные знания – это не просто научные знания, которые человек получил в высшем учебном заведении, а знания, приобретенные им в ходе специальной подготовки к судебной-экспертной деятельности (далее – СЭД) и настраивающиеся на научные знания, полученные ранее в вузе. Это соотносится с точкой зрения А.А. Эйсмана, который еще в 1967 г. писал, что специальные знания – это «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов» [12, с. 91]. То есть ученый говорил об эксклюзивности знаний эксперта.

Встает вопрос о соотношении специальных и научных знаний эксперта. Рассмотрим его применительно к судебной лингвистической экспертизе.

Как отмечает Ф.С. Сафуанов, «ошибочные представления о специальных знаниях во многом определяются неправомерным отождествлением специальных профессиональных знаний эксперта и знаний научных» [13]. Так, пользуясь только научными знаниями, полученными в процессе обучения на филологическом факультете, можно решать задачи, связанные с установлением значения языковых единиц (слова, выска-

звания, текста), с определением семантических отношений между словами, грамматических отношений, оценки, которую автор выражает в высказывании, но это только малый круг неосновных, по большей части промежуточных, задач, которые может решить судебный эксперт-лингвист. Кроме того, сделанные при решении таких задач выводы не имеют юридического значения. В вузе не обучают, как определять форму выражения информации (утверждение о фактах и событиях, мнение, предположение, оценочное суждение), как устанавливать признаки «экстремистских» значений и т. п., то есть решать судебно-экспертные задачи, которые позволяют устанавливать факты, имеющие значение для уголовного дела.

Зарубежные ученые А. Джонсон (A. Johnson) и М. Култхард (M. Coulthard) отмечают: «По существу судебную лингвистику как отдельную дисциплину отличает ее взаимодействие с социально-правовыми последствиями письменных и устных текстов, которые она описывает» [14]. В данном случае речь идет о юридических последствиях применения специальных знаний судебного эксперта-лингвиста.

Источники специальных знаний судебного эксперта-лингвиста

Представляется, что ответ на вопрос о природе специальных знаний именно судебного эксперта-лингвиста можно найти, обратившись к судебной экспертологии (к концептуальной работе А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской 1979 года). Знаковым в ней является положение о непосредственной и опосредованной связи базовых, материнских наук с предметными судебными науками. Ученые указывают, что производство экспертиз с непосредственными связями, в отличие от экспертиз с опосредованными связями, осуществляется на базе исключительно базовых (материнских) специальных знаний [15, с. 60–61].

Как показывает практика, судебная лингвистическая экспертиза обнаруживает опосредованную связь с материнской (базовой) наукой – лингвистикой, наукой о языке. Это обусловлено зависимостью экспертных задач этого рода судебной экспертизы от категории дела (уголовного, гражданского или дела об административном правонарушении). Например, экспертные задачи экспертизы по делам об оскорблении отличаются от экспертных задач экспертизы

по делам, связанным с противодействием экстремизму, это, в свою очередь, объясняется тем, что объективную сторону данных правонарушений составляют разные речевые действия, которые в экспертном лингвистическом аспекте имеют различный признаковый комплекс [16, 17].

Согласно А.И. Винбергу и Н.Т. Малаховской, опосредованная связь предполагает трансформацию данных материнских фундаментальных (базовых) наук в систему специальных знаний предметной судебной науки, а также выработку соответствующих экспертных понятий [15, с. 8]. Этот принцип в полной мере реализуется в судебной психологической экспертизе. В данном роде экспертиз разработана теория экспертных понятий, полученных в результате трансформации, адаптации общепсихологических научных понятий в понятия судебно-психологические, «экспертные», которые, не теряя своей психологической сущности, адаптированы к правоприменению [13]. В настоящее время осуществляются попытки распространить теорию экспертных понятий и на другие роды экспертиз, например, судебно-экологическую [18].

То же, на наш взгляд, можно говорить и о судебной лингвистической экспертизе. В данном случае возможна выработка судебно-экспертных лингвистических понятий, которые занимают промежуточное положение между правовыми категориями и лингвистическими феноменами. Эти экспертные понятия, с одной стороны, имеют лингвистическую сущность и устанавливаются строго лингвистическими методами, с другой стороны, они в полной мере адаптированы к правоприменению, поскольку обладают юридическим значением. Примеры таких понятий: «угроза», «унизительная оценка лица», «неприличная форма выражения», «возбуждение вражды», «оправдание».

Исходя из вышеизложенного, основу специальных знаний судебного эксперта-лингвиста составляют знания лингвистические. Они включают профессиональные компетенции в различных областях науки о языке: в лингвистической семантике, лингвистической прагматике, грамматике, лексикологии, лексикографии, теории дискурса, лингвистическом анализе текста, методологии лингвистического исследования, т. е. в дисциплинах, которые изучают на русском отделении (или отделении теоретической и прикладной лингвистики)

филологических (лингвистических) факультетов.

Вместе с тем для выработки экспертных лингвистических понятий, для их корректного применения в СЭД, в том числе с учетом изменений в законодательстве, судебному эксперту-лингвисту необходимо иметь знания из области материального права, а именно правовых норм, в которых отражены речевые правонарушения. В целях выполнения своей основной задачи, регламентируемой ст. 2 ФЗ о ГСЭД, а именно оказания содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, эксперту-лингвисту необходимо понимать юридическое значение экспертных выводов, а также правовые последствия дачи им заключения эксперта. Так, в случае проведения экспертизы по делу об оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ) эксперт должен знать правовое «определение» оскорбления, а именно «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Исходя из данного определения, решение вопроса о негативной оценке лица не будет иметь юридического значения, поскольку унижение предполагает не просто негативную оценку лица, а еще и понижение его социального статуса.

Кроме того, для проведения судебной лингвистической экспертизы необходимы знания из сферы процессуального права (в части регламентации СЭД), а также из теории судебной экспертизы. Знания из судебной экспертологии должны включать такие разделы, как учение о предмете и задачах судебной экспертизы, а также о ее объектах, их свойствах и признаках, теорию экспертной диагностики и частную теорию судебной лингвистической экспертизы, положение о форме и содержании заключения судебного эксперта и особенности его оценки и использования в судопроизводстве, методологию СЭД, стадии экспертного исследования, судебно-экспертные методики и т. д.

Представляется, что еще одним источником специальных знаний судебного эксперта-лингвиста являются фоновые знания. Понятие «фоновые знания» активно используют в таких разделах лингвистики, как теория перевода, контрастивная лингвистика, лингвостилистика, лингвострановедение, лингвистическая прагматика и др. Под фоновы-

ми знаниями понимается «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [19, с. 498]; «знания, присутствующие в сознании индивида как члена социума, которые хранятся в памяти индивида/коллективной памяти, но их актуализация зависит от потребности, нужды в них и протекает не одновременно, а последовательно» [20, с. 57]; «скрытая внеязыковая информация (имена исторических лиц, упоминания исторических событий, библейские, литературные и исторические аллюзии, подтекст» [21]. Исходя из представленных определений, фоновые знания представляют собой различные типы внеязыковых знаний, влияющие на процесс коммуникации, прежде всего понимание сообщения.

Ученые рассматривают фоновые знания как компонент, необходимый для понимания высказывания, текста. Так, И.Н. Шеина отмечает: «Текст как продукт речемыслительной деятельности автора и материал речемыслительной деятельности интерпретатора есть прежде всего особым образом представленное знание: вербализованное знание и фоновое знание» [22]. В.Г. Гак подчеркивает необходимость обращения при семантическом анализе высказывания к фоновым знаниям: «Семантический анализ высказывания предполагает обращение к контексту, ситуации, фоновым знаниям говорящих (пресуппозиции)» [23]. В. Кинш (W. Kintsch) и Т. Ван Дейк (T. Van Dijk), говоря о таком виде речевой деятельности, как чтение, отмечают, что оно состоит из взаимодействий между буквальным, пропозициональным представлением текста и связанной схемой, сформированной из фоновых знаний [24, 25].

Таким образом, фоновые знания играют в понимании текста большую роль. Этот аспект важен в том числе для проведения полного и всестороннего экспертного лингвистического исследования, поскольку для установления смыслового содержания подлежащего экспертному исследованию объекта, зачастую востребованными оказываются не только лингвистические, но и фоновые знания эксперта. Так, эти знания задействованы при исследовании креолизованных (поликодовых) текстов, представляющих собой совокупность вербальной и невербальной составляющей, а также текстов различных форматов, относящихся к различным видам дискурсов: общественно-

политическому, религиозному, рекламному и т. п.

Специфика фоновых знаний судебного эксперта-лингвиста определяется особенностями объектов экспертизы и экспертных задач. Наиболее актуальными для судебной лингвистической экспертизы фоновыми знаниями являются сведения о текущей политической обстановке в стране и мире, геополитических конфликтах, общественно-политических процессах и социокультурных аспектах.

Таким образом, специальные знания судебного эксперта-лингвиста по своей природе различаются, что обусловлено разнообразием их источников (рис. 1).

Собственно лингвистические знания, то есть знания о языке, как уже было сказано выше, эксперт приобретает в ходе обучения в вузе на филологическом факультете. Фоновые знания он получает большей частью посредством самообразования, в процессе накопления практического опыта. Знания в области материального и процессуального права, а также судебной экспертологии возможно приобрести путем получения дополнительного профессионального образования по экспертной специальности. Схематично процесс формирования специальных знаний судебного

эксперта-лингвиста представлен на рисунке 2.

В настоящее время в полном объеме специальные знания судебные эксперты-лингвисты могут получить в государственных СЭУ. В системе Минюста России эксперт может быть зачислен на обучение по дополнительному образовательному программ профессиональной переподготовки по экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности» только при наличии у него высшего профессионального образования по одной из следующих специальностей (или по нескольким специальностям).

– Специалитет: 44.00.00 «Образование и педагогические науки» (профиль «Русский язык»; «Русский язык и литература»); 45.00.00 «Языкознание и литературоведение» (профили «Филология» [русский язык], «Теоретическая и прикладная лингвистика»).

– Бакалавриат: 45.00.00 «Языкознание и литературоведение» (45.03.01 «Филология» [профили «Русский язык»; «Русский язык и литература»]; 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика»).

– Магистратура: 44.00.00 «Образование и педагогические науки» (44.04.01 «Педагогическое образование» [профиль «Рус-

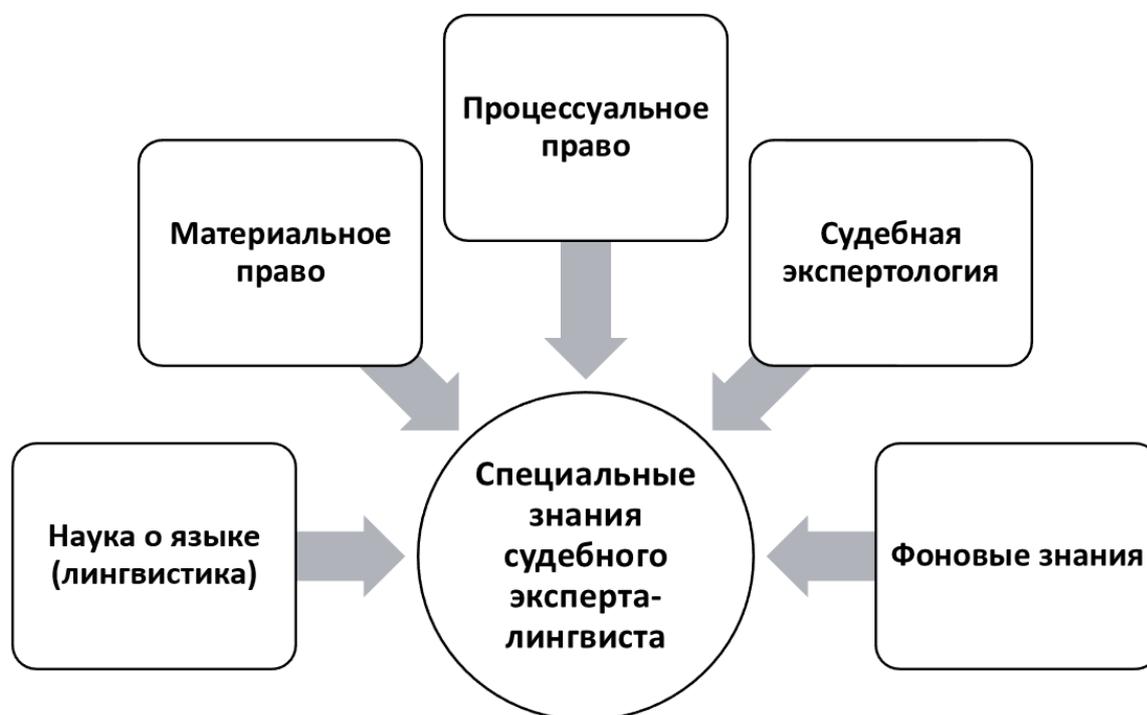

Рис. 1. Источники специальных знаний судебного эксперта-лингвиста

Fig. 1. The source of a forensic linguist's knowledge

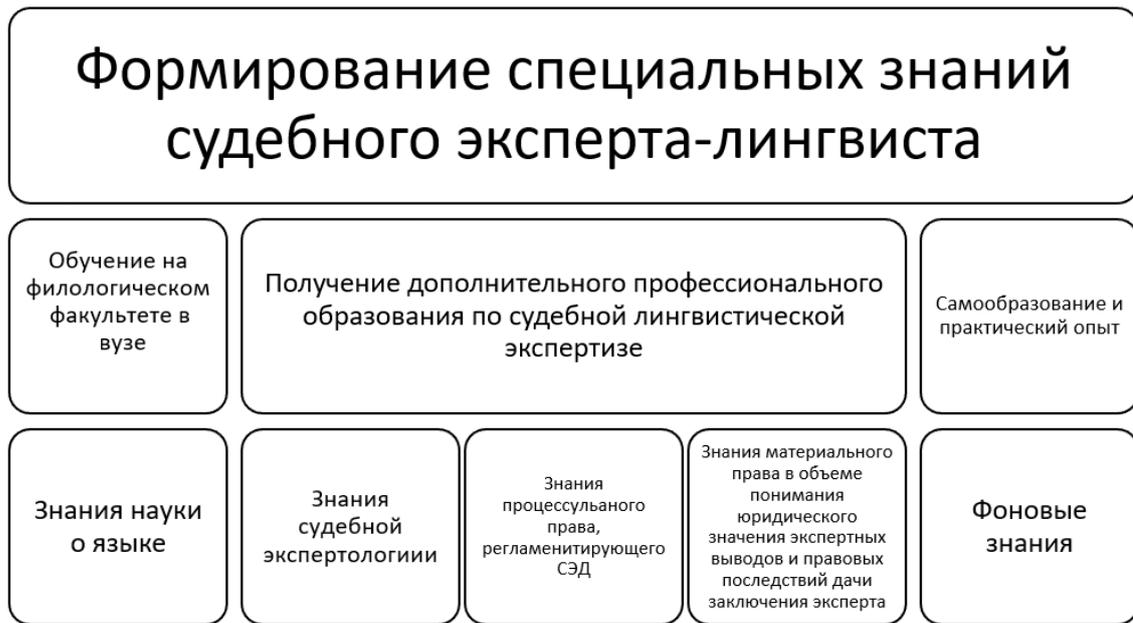

Рис. 2. Процесс формирования специальных знаний судебного эксперта-лингвиста
Fig. 2. The process of shaping a forensic linguist's specialized knowledge

ский язык»; «Русский язык и литература»]); 45.00.00 «Языкознание и литературоведение» (45.04.01 «Филология» [профили «Русский язык»; «Русский язык и литература»], 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика»).

В ходе обучения слушатели осваивают модули «Теория судебной экспертизы» и «Основы криминалистики», а также модули экспертных специальностей «Теоретические основы судебной лингвистической экспертизы» и «Методические основы судебной лингвистической экспертизы», предполагающие приобретение знаний организационно-правовых, теоретических и методологических основ судебной лингвистической экспертизы, а также формирование профессиональных компетенций ФГОС ВПО⁵ по направлению подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза», квалификация (степень) «специалист», а также профессиональные специализированные компетенции:

– способность использовать знания теоретических, методических, процессуальных и организационных основ судебной экспертизы, криминалистики в СЭД;

– способность составлять заключения эксперта в соответствии с требованиями законодательства и научными рекомендациями;

– способность участвовать в качестве специалиста в следственных и других процессуальных действиях;

– способность организовывать профессиональную деятельность в соответствии с требованиями федерального законодательства, ведомственных правовых актов, функциональных обязанностей и основ делопроизводства;

– способность применять в профессиональной деятельности экспертные методики лингвистической экспертизы, оформлять заключения эксперта, акты экспертного исследования по судебной лингвистической экспертизе;

– способность применять специальные технические средства и методы при обнаружении, изъятии, фиксации и исследовании объектов судебной лингвистической экспертизы.

Как правило, негосударственные эксперты и преподаватели вузов, которым назначаются судебные лингвистические экспертизы, какую-либо специальную подготовку по производству таких экспертиз не проходят. Их специальные знания по большей части ограничены лишь собственно лингвистическими знаниями (при наличии у эксперта высшего филологического образования), а также житейскими представлениями о речевых правонарушениях. Такое положение дел зачастую приводит к судебным ошибкам. Например, среди преподавателей вузов бытует точка зрения, что

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования.

к неприличным словам относятся все, имеющие в словарях стилистическую помету «бранное». В результате суд, используя заключение эксперта, где вывод был сделан на основе такого житейского представления об объеме понятия «неприличная форма», может вынести ошибочное решение.

Заключение

Специальные знания судебного эксперта-лингвиста по своей природе неоднородны и не ограничены лишь лингвистическими (или шире – филологическими) знаниями, а имеют сложную структуру, включающую фоновые знания, знания судебной экспертологии, материального и процессуального права. Каждый из указанных структурных компонентов отвечает за тот или иной аспект деятельности судебного эксперта-лингвиста:

– лингвистические и фоновые знания необходимы для полного и всестороннего исследования на строго научной и практической основе;

– знания материального права помогают в полной мере реализовывать основную задачу СЭД – оказывать содействие судебно-следственным органам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний;

– знания процессуального права и судебной экспертологии необходимы для организации профессиональной деятель-

ности в соответствии с требованиями законодательства, а также для корректного оформления заключения эксперта и применения в профессиональной деятельности положений судебной экспертологии и частной теории судебной лингвистической экспертизы.

Такая структура специальных знаний судебного эксперта-лингвиста на современном этапе развития судебной лингвистической экспертизы наиболее полно способствует решению задач СЭД и реализации ее принципов, регламентированных ФЗ о ГСЭД.

Представляется, что в разных родах (видах) судебных экспертиз количество структурных компонентов, составляющих специальные знания эксперта, неодинаково. Подобная пятикомпонентная структура специальных знаний имеет место у эксперта-психолога, аттестованного по экспертной специальности 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов», что обусловлено схожестью задач данного вида экспертизы и судебной лингвистической экспертизы; трехкомпонентная структура – у эксперта-автороведа (решение автороведческих задач не требует применения фоновых знаний и знаний материального права); двухкомпонентная – у эксперта-почерковеда (его специальные знания составляют знания процессуального права и частной теории судебной почерковедческой экспертизы, входящей в судебную экспертологию).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ищенко Е.П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М.: Юрид. лит., 1990. 159 с.
2. Зуйков Г.Г. Общие вопросы использования специальных познаний в процессе предварительного расследования // Криминалистическая экспертиза. 1966. № 1. С. 113–125.
3. Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве (методологические вопросы). Киев: Вишчи школа, 1980. 157 с.
4. Зуев Е.И. Современное представление о специальных познаниях в судопроизводстве // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. 1985. № 1. С. 17–23.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 342 с.
6. Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Судебная экспертиза (экспертология). Учеб. пособие. Екатеринбург: Феникс, 2000. 137 с.

REFERENCES

1. Ishchenko E.P. *Specialist in Investigative Actions (Criminal Procedural and Forensic Aspects)*. Moscow: Yurid. lit., 1990. 159 p. (In Russ.).
2. Zuykov G.G. General Issues of the Application of Specialized Knowledge in a Preliminary Investigation. *Criminalistic Expertise*. 1966. No. 1. P. 113–125. (In Russ.).
3. Goncharenko V.I. *Use of Natural and Technical Sciences Data in Criminal Proceedings (Methodological Issues)*. Kiev: Vishchi shkola, 1980. 157 p. (In Russ.).
4. Zuev E.I. The Modern Idea of Specialized Knowledge in Legal Proceedings. *New Developments and Debatable Issues in the Theory and Practice of Forensic Science*. 1985. No. 1. P. 17–23. (In Russ.).
5. Belkin R.S. *Encyclopedia of Criminalistics*. Moscow: BEK, 1997. 342 p. (In Russ.).
6. Sorokotyagina D.A., Sorokotyagin I.N. *Forensic Expertise (Expertology)*. *Textbook*. Ekaterinburg: Feniks, 2000. 137 p. (In Russ.).

7. Колдин В.Я. Формы и тактика использования специальных знаний при расследовании преступлений / Криминалистика. Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 413–428.
8. Аверьянова Т.В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. № 2. С. 29–37.
9. Бычкова С.Ф. Теория и практика судебной экспертизы. Учеб. пособие. В четырех томах. Т. 1. Организация, назначение и производство судебной экспертизы. Алматы: Жети Жаргы, 1999. 272 с.
10. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии. Монография. М.: Проспект, 2017. 480 с.
11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 735 с.
12. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967. 152 с.
13. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45.
<https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
14. Johnson A., Coulthard M. (Eds.). Introduction. Current Debates in Forensic Linguistics. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. 1st ed. London: Routledge, 2010. P. 1–15.
<https://doi.org/10.4324/9780203855607.ch1>
15. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
16. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: научно-информационное пособие для экспертов. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 89 с.
17. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секе-раж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
18. Михалева Н.В. Экспертные понятия в судебно-экологической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 124–129. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-124-129>
19. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
20. Верещачин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: МГУ, 1973. 197 с.
21. Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация / Перевод и коммуникация / Под ред. А.Д. Швейцера, Н.К. Рябцевой,
7. Koldin V.Ya. Forms and Tactics of Application of Specialized Knowledge in a Crime Investigation. In: Yablokov N.P. (ed.). *Criminalistics. Textbook*. 3rd ed. Moscow: Yurist, 2005. P. 413–428. (In Russ.).
8. Aver'yanova T.V. Subjects of Expert Activity. *Bulletin of Criminalistics*. 2001. No. 2. P. 29–37. (In Russ.).
9. Bychkova S.F. *Theory and Practice of Forensic Science. Textbook. In four volumes. Vol. 1. Organization, Appointment and Conduct of a Forensic Examination*. Almaty: Zheti Zhargy, 1999. 272 p. (In Russ.).
10. D'yakonova O.G. *Theoretical Framework of Forensic Expertology. Monograph*. Moscow: Prospekt, 2017. 480 p. (In Russ.).
11. Rossinskaya E.R. *Forensic Expertise in Civil, Arbitrary, Administrative and Criminal Proceedings*. 3rd ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. 735 p. (In Russ.).
12. Eisman A.A. *Expert Opinion (Structure and Scientific Validation)*. Moscow: Yurid. lit., 1967. 152 p. (In Russ.).
13. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
14. Johnson A., Coulthard M. (Eds.). Introduction. Current Debates in Forensic Linguistics. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. 1st ed. London: Routledge, 2010. P. 1–15.
<https://doi.org/10.4324/9780203855607.ch1>
15. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Examinations)*. Volgograd: VSSh MVD SSSR, 1979. 181 p. (In Russ.).
16. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. *Forensic Linguistic Expertise in Cases on Insult*. Moscow: RFCFS, 2016. 90 p. (In Russ.).
17. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *The Methodology for Conduct of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of the Materials in Cases Concerning Countering Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 96 p. (In Russ.).
18. Mikhaleva N.V. Expert Concepts in Forensic Ecology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 124–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-124-129>
19. Akhmanova O.S. *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 608 p. (In Russ.).
20. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Cultural Linguistics in Teaching Russian as a Foreign Language*. Moscow: MGU, 1973. 197 p. (In Russ.).
21. Tomakhin G.D. Translation As Intercultural Communication. In: Shveitser A. D., Ryabtseva N.K., Vasilevich A.P., Podberezhskaya V.D.

- А.П. Василевича, В.Д. Подберезской. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 129–137.
22. Шеина И.М. Фоновые знания как неотъемлемый компонент профессиональной компетенции переводчика // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 1. №. 4. С. 75–79.
23. Гак В.Г. Высказывание / Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 90.
24. Kintsch W. *Comprehension: A Paradigm for Cognition*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 1998. 461 p.
25. Kintsch W., Van Dijk T.A. Towards a Model of Text Comprehension and Production // *Psychological Review*. 1978. Vol. 85. No. 5. P. 363–394. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.85.5.363>
- (Eds.). *Translation As Communication*. Moscow: In-t yazykoznaneya RAN, 1997. P. 129–137. (In Russ.).
22. Sheina I.M. Background Knowledge as an Integral Component of an Interpreter’s Professional Competence. *Herald of Vyatka State University*. 2009. Vol. 1. No. 4. P. 75–79. (In Russ.).
23. Gak V.G. Statement. In: Yartsev V.N. (ed.). *Linguistics. The Large Encyclopedic Dictionary*. 2nd ed. Moscow: Bol’shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. P. 90. (In Russ.).
24. Kintsch W. *Comprehension: A Paradigm for Cognition*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 1998. 461 p.
25. Kintsch W., Van Dijk T.A. Towards a Model of Text Comprehension and Production. *Psychological Review*. 1978. Vol. 85. No. 5. P. 363–394. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.85.5.363>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensics Linguistics; the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

*Статья поступила: 19.03.2021
После доработки: 22.04.2020
Принята к печати: 15.05.2021*

*Received: March 19, 2021
Revised: April 22, 2021
Accepted: May 15, 2021*